

("так все говорят": "меня все понимают"), престижа. Выбор диалекта нередко определяется подобными же соображениями, исключая ссылки на престижность. В этом случае прибегают скорее к высказываниям эмоционального характера: "на диалекте говорили наши предки", "следует сохранять традиции" и т.д.

Записи определенных коммуникативных ситуаций дали автору возможность определить соотношение между языком и диалектом в Болонье (говоря о языке, в данном случае Э. Рицци подразумевает различные уровни "болонского итальянского") как микродиглоссию. Диалект играет в общении второстепенную роль, его появление обусловлено рядом причин, например, предположением, что собеседник предпочитает именно диалект, цитацией чужого высказывания и т.д.

В целом же в результате проведенного Э. Рицци исследования происходящие в языковой ситуации Болоньи специфические процессы оказались убедительно вписанными в общеитальянскую картину. По общему типу соотношения "язык – диалект" Болонья примыкает к другим крупным итальянским городам, где диалект как средство коммуникации отступает на второй план. В этом их отличие от мелких провинциальных городов, где диалект продолжает играть ведущую роль в коммуникативной сфере, а обращение к итальянскому языку обычно обуславливается какими-то экстралингвистическими факторами (иногородние со-

беседники, формализованная коммуникативная ситуация и т.д.).

В Болонье, и в этом отношении она подобна другим крупным городам Северной Италии, идет процесс стандартизации местного варианта итальянского языка: все чаще выбираются формы, соответствующие общепитальянскому стандарту. Процесс этот еще не зашел так далеко, как, например, в Милане. Вместе с тем субъективно довольно высоко оценивается и диалект, хотя его престиж в глазах информантов ниже, чем, например, престиж римского диалекта в глазах римлян.

Автору удалось показать, какие именно языковые характеристики постепенно "размываются" в ходе стандартизации. В точки зрения фонетики в целом в "итальянском болонском" происходит сдвиг в произношении фрикативных в сторону альвеолярной артикуляции. Тем самым нейтрализуются чисто диалектные фонологические оппозиции. Подобный тип произношения особенно характерен для женщин и молодежи, в любой коммуникативной ситуации.

Исследование Э. Рицци – конкретная, методологически последовательная работа. Оно интересно тем, что автор четко описал, ясно классифицировал и убедительно истолковал определенный фрагмент очень изменчивой и подвижной картины итальянской языковой действительности.

Чельшева И.И.

Bradean-Ebinger N. Sprachkontakte und Zweisprachigkeit in Fennoskandinavien. Soziolinguistische Aspekte der Zweisprachigkeit im nordlichen Areal. Budapest: Akademiai kiado, 1991. 245 s.

Рецензируемая монография представляет собой не только социолингвистическое исследование билингвизма (мультилингвизма) на Скандинавском п-ве, но и попытку выработать лингвистические основания для изучения многоязычия в ситуации смешения языков вообще. Соответственно этим задачам исследование логически распадается на четыре главы: I. Ареальная типология; II. Смешение языков; III. Билингвизм и мультилингвизм; IV. Социолингвистическое исследование билингвизма.

Автором книги используются различные подходы к рассмотрению поставленных проблем. Опираясь в первую очередь на идеи Клайна [1], автор рассматривает следующие четыре методологические ступени типологических исследований языков: 1) сбор и лингвистический анализ корпуса спонтанного речевого материала, записанного на магнитофон; 2) непосредственный опрос информантов (сюда можно отнести и тесты на допустимость; 3) тестирование, сознательно проводимое вне естественных ситуаций общения; 4) исследо-

вание языковых единиц в естественных языковых ситуациях и в условиях изменения языковых переменных (партнер, окружение, тип языкового взаимодействия). Следует особо отметить использование автором широкого круга работ по проблемам билингвизма вообще и социолингвистическому подходу к билингвизму в частности. Всего автор использует 400 трудов по этой проблематике, причем имеются ссылки на работы ряда российских авторов (Б.А. Серебrenникова, Ю.Д. Дешериева, А.Д. Швейцера).

Смелой в научном плане является попытка автора рассмотреть взаимодействие как близкородственных, так и неродственных языков в синхронии и диахронии. В этой связи весьма интересна гипотеза о проявлении такого сходства неродственных языков, которое уподобляется генетическому, хотя таковым не является. Автор объясняет его тем, что в прошлом народы — носители рассматриваемых им языков проживали на одной территории и имели интенсивные социокультурные контакты. Сам автор ставит себе в заслугу и то, что он ввел понятие "биглоссии" индоевропейских и финно-угорских языков. Речь идет о территориально-языковом явлении, прослеживаемом по всей Европе с Севера на Юг. Наглядно доказывается на основании данного языкового анкетирования преобладание языка, доминирующего в культурном отношении (*Akkulturationsprache*), например, шведского, а не финского над лапландским, хотя логично было бы предположить обратное, учитывая генетическое родство последних.

Тот факт, что в работе в основном исследуется материал северного ареала Скандинавского п-ова, не сужает ее рамок, так как автор постоянно привлекает примеры из палеоазиатских языков Сибири и из области языковых контактов в центре и на юге Европы. Оценивая взаимодействие языков и диалектов, автор отмечает, что диалекты склонны к смешению, языки же сохраняют свою идиоматичность, в первую очередь грамматическую, включая и синтаксис. Этот вывод весьма полезен для оценки сегодняшней языковой ситуации в СНГ, где, видимо, даже близкородственные языки, становясь государственными, будут проявлять тенденцию к "разбеганию".

Переходим к рассмотрению содержа-

ния отдельных глав. В первой главе речь идет прежде всего об определении нового языкового ареала, а именно северного ареала, который включает следующие языки: гренландский, ненецкий, фарерский, норвежский, датский, шведский, эстонский, финский, лапландский, обско-угорский, самодийский, палеосибирские. Эти языки характеризуются по следующим 15 ареальнолингвистическим и типологическим параметрам: 1) тип ударения; 2) долгота, 3) дифтонги, 4) умлаут и аблаут; 5) чередование ступеней; 6) наличие постпозитивного артикля; 7) наличие двойственного числа; 8) номинатив в различных функциях; 9) наличие генитива; 10) отсутствие различия между мужским и женским родом; 11) распространенность пассива; 12) наличие отрицательного вспомогательного глагола; 13) большая распространенность предлогов; 14) словопорядок SVO; 15) языковой пуризм. Все эти языки обладают еще одной социолингвистической особенностью: это языки национальных меньшинств и их использование сопровождается би- и мультILINGВИЗМОМ.

Во второй главе рассматриваются многосторонние контакты между языками северного ареала. Правда, в основном это отношения лапландского, шведского и финского языков. Другие скандинавские языки либо упоминаются вскользь, либо вообще не упоминаются. Пытаясь создать теоретическую базу исследования языковых параллелей, автор, однако, не в равной степени охватывает языковой материал, занимаясь в основном лексическими заимствованиями. Так, он приводит на с. 87–113 список из 871 скандинавского заимствования в лапландском. Это, фактически, микрословарь на 27 страницах.

В третьей главе рассматриваются проблемы би- и мультILINGВИЗМА в северном ареале. Имеются в виду в первую очередь языки на Скандинавском п-ове. Как совершенно правильно отмечает автор, в финно-скандинавском языковом пространстве проходят би- и триглоссы, т.е. контактные линии двух и трех языков. В качестве конкретного примера описывается комплексная индоуральская биглосса, которая протекает как контактная область двух самых больших европейских языковых семей (индоевропейской и уральской) от Северного моря до Адриатического.

В четвертой главе, выдержанной в чисто социолингвистическом русле, ис-

следует мультилингвизм в Финляндии и Скандинавских странах. В ней рассматриваются финско-шведские, лапландско-финско-шведские (норвежские) диалекты, устанавливаемые на основе анкетирования, которое включало 40 вопросов для билингвов и мультилингвов. При этом устанавливалось превалирование определенных языков в тех или иных функциональных сферах. Данные анкет подвергались статистической обработке с целью установления закономерностей проявления би- и мультилингвизма. В частности, были получены следующие результаты: шведский язык в рамках национального меньшинства в Финляндии является господствующим даже по сравнению с государственным финским языком почти во всех функциональных сферах. Подобного вывода нельзя сделать относительно лапландского и финского в Швеции и Норвегии. Оба языка используются только в регистре семейного общения. В остальных регистрах преобладает государственный язык (шведский или норвежский). В некоторых жизненных ситуациях, например, в официальных учреждениях и при использовании средств массовой информации, прежде всего телевидения, государственные языки вообще вытесняют финский и лапландский. Сейчас в Швеции и Норвегии создаются благоприятные условия для процветания лапландского языка, но, как считает автор, попытки сохранить и дальше развивать лапландский язык, возможно, уже запоздали.

Таким образом, целью данной монографии является комплексное исследование типологических аспектов билингвизма в Финляндии и Скандинавии (Фенноскандинавии) как части М Северного ареала. До Брадеан-Збингера все исследователи рассматривали языки северного ареала либо как проявление только ареальных, либо только социолингвистических отношений. Автор данной работы считает, что ареальные и социолингвистические исследования должны проводиться параллельно на основе явлений билингвизма.

Конкретный материал рецензируемого труда помогает высветить социолингвистические аспекты би- и мультилингвизма в общих чертах и в их конкретных проявлениях. Материал и результаты исследования можно приложить к другим многоязычным регионам.

В заключение мы хотели бы рекомендовать эту книгу широкому кругу специалистов по сравнительной типологии и ареальной лингвистике. Работа содержит ценный языковой и теоретический материал и дает импульсы для дальнейшего развертывания сравнительных исследований как близкородственных, так и неродственных языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Clyne M.G.* Forschungsbericht Sprachkontakt. Untersuchungsergebnisse und sprachliche Probleme. Kronberg, 1976.

Никуличева Д.Б.

Войтенко А.Ф. Лексический атлас Московской области. М., 1990. 60 с. + 161 карта.

Развитие диалектологии немыслимо без разработки проблем лингвистической географии и создания диалектологических атласов. В русистике отмечается довольно парадоксальное положение: русская диалектологическая школа, достигнув несомненных успехов в области теории лингвогеографии и в разработке многих специальных аспектов этой многотрудной научной отрасли, оказав значительное воздействие на становление лингвогеографических исследований в межславянском и общеславянском плане, на развитие лингвогеографии сопредельных родственных

языков, прежде всего белорусского и украинского, не может поставить себе в заслугу энергичную и эффективную практическую реализацию собственных идей, выразившуюся в создании и издании достаточного количества региональных лингвистических атласов. Казалось бы, сама существующая ситуация – огромная территория, на которой распространен русский язык, его значительная диалектная дифференциация, которая, как полагают многие исследователи, в целом ряде моментов может отражать довольно древние диалектные различия, а также солидные традиции в изучении